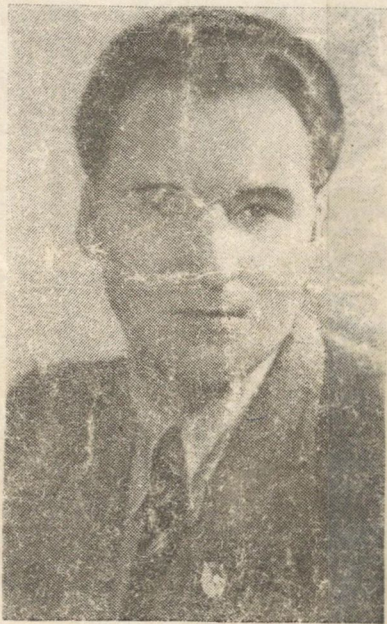

033

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ

С 37
Р30018

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 13
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 942

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ

ИЗ ЛИРИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА

Издательство „Правда“
Москва — 1942

Отв. редактор Е. ПЕТРОВ

Издательство «Правда»		Изд. № 458
А61462	Зак. тип. 1576	Тираж 50 000
Статформат А—105×148 мм 1½ п. л.	Кол. зн. в 1 п. л. 43 200	
Цена 20 коп.	Подп. к печ. 17/VІІ 1942 г.	

Типография «Красное знамя», Москва, Суццевская, 21,

ДО ИЮНЯ

• • •

Я много жил в гостиницах,
Слезал на дальних станциях,
Что впереди раскинется —
Все позади останется.

Я не скучал в провинции,
Довольный переменами,
Все мелкие провинности
Не называл изменами.

Искал хотя б прохожую,
Далекую, неверную,
Хоть на тебя похожую...
Такой и нет, наверное.

Такой, что вдруг приснится мне;
То серые, то синие
Глаза твои с ресницами
В ноябрьском первом инее.

Лицо твое усталое,
Несхожее с портретами,
С мороза губы талые,
От снега мной согретые,

И твой лениво брошенный
Взгляд, означавший искони:
Не я тобою прощенный,
Не я тобою исканный,

Я только так, обласканный
За то, что ночь с порошею,
За то, что в холод сказкою
Согрел тебя, хорошую.

И веришь ли, что странною
Мечтой себя тревожу я:
И ты не та, желанная,
А только так, похожая.

* * *

Плюшевые волки,
Зайцы, погремушки...
Детям дарят с елки
Детские игрушки.

И, состарясь, дети
До смерти без толку
Все на белом свете
Ищут эту елку,

Где жар-птица в клетке,
Золотые слитки,
Где висит на ветке
Счастье их на нитке.

Только дед-Мороза
Нету на макушке,
Чтоб в ответ на слезы
Сверху снял игрушки.

Желтые иголки
На пол опадают...
Все я жду, что с елки
Мне тебя подарят.

Тринадцать лет. Кино в Рязани,
Тапер с жестокою душой.
И на заштопанном экране
Страданья женщины чужой;

Погоня в Западной пустыне,
Калифорнийская гроза
И погибавшей героини
Невероятные глаза.

Но в детстве можно всё на свете,
И за двугривенный в кино
Я мог, как могут только дети,
Из зала прыгнуть в полотно,

Убить врага из пистолета,
Догнать, спасти, прижать к груди.
И счастье было рядом где-то,
Там, за экраном, впереди.

Когда теперь я в темном зале
Увижу вдруг твои глаза,
В которых тайные печали
Не выдаст женская слеза,

Как я хочу придумать средство,
Чтоб счастье было впереди,
Чтоб хоть на час вернуться в детство,
Догнать, спасти, прижать к груди!..

* * *

Когда со мной страданьем
Поделятся друзья,
Их лишним состраданьем
Не обижаю я.

Я их лечу разлукой
И переменной мест,
Лечу дорожной скукой
И сватовством невест.

Учу, как чай в жестянке
Заваривать в пути,
Как вдруг на полустанке
Красавицу найти,

Чтоб не скучать по году
О той, что всех милей,
Как разложить колоду
Из дам и королей

И назло той, упрямой,
Наоборот, не в масть,
Найдя в колоде даму,
У короля украсть.

Но всю свою науку
Я б продал за совет,
Как самому мне руку
Не дать тебе в ответ,

Без губ твоих, без взгляда
Как выжить мне полдня,
Пока хоть раз пощады
Запросишь у меня.

* * *

Пусть она поплачет,
Ей ничего не значит.
Л е р м о н т о в

Если родилась красивой,
Значит, будешь век счастливой.

Бедная моя, судьбою горькой,
Горем, смертью, никакою силой
Не поспоришь с глупой поговоркой,
Хитрым утешеньем некрасивых.

Все, что сердцем взято будет,
Красоте твоей присудят.

Будешь нежной, верной, терпеливой,
В сердце все равно тебе откажут —
Скажут: нету сердца у счастливой,
У красивой нету сердца, скажут.

Что любима ты, услышат —
Красоте опять припишут.

Выйдешь замуж — по расчету, значит:
Полюбить красивая не может.
Грязь и корысть, все, что сами прячут,
Все тебе на плечи переложат.

Если будешь гордой мужем, —
Скажут: потому что нужен.

Как других, возьмет его могила —
Всем простят, тебя возьмут в немилость,

Позабудешь — скажут: не любила,
Не забудешь — скажут: притворилась.

Скажут: пусть она поплачет,
Ей ведь ничего не значит.

Если напоказ им не рыдала,
Что им до того, как ты страдала,
Как тебя недетские печали
На холодной площади встречали.

Как бы горе ни ломало,
Ей, красивой, горя мало.

Нет, я не сержусь, когда, не веря
Мне, как всем, ты вдруг глядишь пытливо.

Верить только горю да потерям
Выпало красивой и счастливой.

Если б наперед всё знала,
В детстве бы дурнушкой стала.

Может, снова к счастью добредешь ты,
Может, снова будет смерть и горе,
Может, и меня переживешь ты,
Поговорки злой не переспоря:

Если родилась красивой,
Значит, будешь век счастливой..

* * *

Я, верно, был упрямей всех,
Не слушал клеветы
И не считал по пальцам тех,
Кто звал тебя на «ты».

Я, верно, был честней других,
Моложе, может быть,
Я не хотел причуд твоих
Прощать или судить.

Я девочкой тебя не знал,
Не рвал с тобой цветы,
В твоих глазах я не искал
Девичьей чистоты.

Я не жалел, что ты во сне
Годами не ждала,
Что ты не девочкой ко мне,
А женщиной пришла.

Я знал: честней девичьих снов,
Лукавых слов честней
Нас приютивший на почь кров,
Прямой язык страстей.

И если будет суждено
Тебя мне удержать,
Не потому, что не дано
Тебе других узнать,

Не потому, что я — пока,
А лучше — не нашлось,
Не потому, что ты робка,
И так уж повелось...

Нет, если будет суждено
Тебя мне удержать,
Тебя не буду все равно
Я девочкою звать.

И встречу я в твоих глазах
Не с девичьей, пустой,
А с женской, в горе и страстях
Рожденной чистотой.

Не с чистотой закрытых глаз,
Неведением детей,
А с чистотою женских ласк,
Бессонницей ночей...

Будь хоть бедой в моей судьбе,
Но, кто б нас ни судил,
Я сам пожизненно к тебе
Себя приговорил.

22 июня.

ЗАПАД

* * *

Ты говорила мне «люблю»,
Но это по ночам, сквозь зубы.
А утром горькое «терплю»
Едва удерживали губы.

Я верил по ночам губам,
Рукам лукавым и горячим,
Но я не верил по ночам
Твоим ночным словам незрячим.

Они, как мотыльки огня,
Боялись дня и вдруг сгорали.
С рассветом каждый день меня
Холодные глаза встречали.

Я знал тебя, ты не лгала,
Ты полюбить меня хотела.
Лишь ночью лгать себе могла,
Когда душою правит тело.

Но утром, в трезвый час, когда
Душа опять сильна, как прежде,
Ты хоть бы раз сказала «да»
Мне, ожидавшему в надежде.

И снова ласки перед сном
Мне в благодарность, что ни разу
Тебе я не припомнил днем
Ту, ночью сказанную фразу.

И вдруг война, отъезд, перрон,
Где и обняться-то нет места,
И дачный, клязьминский вагон,
В котором ехать мне до Бреста.

Вдруг вечер без надежд на ночь,
На счастье, на тепло постели.
Как крик: ничем нельзя помочь! —
Вкус поцелуя на шинели.

Чтоб с теми, в темноте, в хмелю,
Не спутал с прежними словами,
Ты вдруг сказала мне «люблю»
Почти спокойными губами.

Такой я раньше не видал
Тебя до этих слов разлуки:
«Люблю, люблю...» Ночной вокзал,
Холодные от горя руки.

* * *

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Изменив вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души..
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши,

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: повезло.
Не понять не ждавшим, им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой —
Просто: ты умела ждать,
Как никто другой.

ЮГ

* * *

Если бог нас своим могуществом
После смерти отправит в рай,
Что мне делать с земным имуществом,
Если скажет он: выбирай!

Мне не надо в раю тоскующей,
Чтоб покорно за мною шла,
Я бы взял с собой в рай такую же,
Что на грешной земле жила,

Злую, ветренную, колючую,
Хоть ненадолго, да мою!
Ту, что нас на земле помучила
И не даст нам скучать в раю.

В рай, наверно, таких отчаянных
Мало кто приведет с собой,
Будут праведники, нечаянно,
Там подглядывать за тобой.

Взял бы в рай с собой расстояние,
Чтобы мучиться от разлук,
Чтобы помнить при расставании
Боль сведенных на шее рук.

Взял бы в рай с собой все опасности,
Чтоб вернее меня ждала,
Чтобы глаз своих синей ясности
Дома трусу не отдала.

Взял бы в рай с собой друга верного,
Чтобы было с кем пировать,
И врага, чтоб в минуту скверную
По-земному с ним враждовать.

Ни любви, ни тоски, ни жалости,
Даже курского соловья,
Никакой, самой малой малости
На земле бы не бросил я.

Даже смерть, если было б мыслимо,
Я на землю б не отпустил.
Все, что к нам на земле причислено,
В рай с собой бы захватил.

И за эти земные корысти,
Удивленно меня кляня,
Я уверен, что бог бы вскорости
Вновь на землю толкнул меня.

Одесса. Август.

* * *

Над черным носом нашей субмарины
Взошла Венера — странная звезда,
От женских ласк отвыкшие мужчины,
Как женщину, мы ждем ее сюда.

Она, как ты, восходит все позднее,
И, нарушая ход небесных тел,
Другие звезды всходят рядом с нею,
Гораздо ближе, чем бы я хотел.

Они горят трусливо и бесстыже,
Я никогда не буду в их числе,
Пусть они к тебе на небе ближе,
Чем я, тобой забытый на земле.

Я не прощусь с опасностью земною,
Чтоб в мирном небе мерзнуть, как они,
Стань лучше ты падучею звездой,
Ко мне на землю руки протяни.

На небе любят женщину от скуки
И отпускают с миром, не скорбя..
Ты упадешь ко мне в земные руки,
Я не звезда. Я удержу тебя.

Черное море. Сентябрь.

* * *

На час запомнив имена,
Здесь память долгой не бывает,
Мужчины говорят: война..
И женщин наспех обнимают.

Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали милой,
Другую ту, что далеко,
Им торопливо заменила.

Она возлюбленных чужих
Здесь пожалела, как умела,
В недобрый час согрела их
Теплом неласкового тела.

А им, которым в бой пора,
И до любви дожить едва ли,
Все легче помнить, что вчера
Хоть чьи-то руки обнимали.

Я не сужу их, так и знай,
На час, позволенный войною,
Необходим нехитрый рай
Для тех, кто послабей душою.

Пусть будет всё не так, не то,
Но вспомнить в час последней муки,
Пускай чужие, но зато
Вчерашние глаза и руки.

В другое время, может быть,
И я бы прожил час с чужою,
Но в эти дни не изменить
Тебе ни телом, ни душою.

Как раз от горя, от того,
Что вряд ли вновь тебя увижу,
В разлуке сердца своего
Я слабодушьем не унижу.

Случайной лаской не согрет,
До смерти не простясь с тобою,
Я милых губ печальный след
Навек оставлю за собою.

Крым, Сентябрь.

* * *

Мы не увидимся с тобой,
А женщина еще не знала,
Бродя по городу со мной,
Тебя, живого, вспоминала.

Но чем ей горе облегчить,
Когда солдатскою судьбою
Я сам назавтра, может быть,
Сравняюсь где-нибудь с тобою.

И будет женщине другой, —
Все повторяется сначала, —
Вернувшийся товарищ мой,
Как я, весь вечер лгать устало.

Печальна участь нас, друзей,
Мы все пойдем и не осудим,
И все-таки о мертвом ей
Напоминать некстати будем.

Ее спасем не мы, а тот,
Кто руки на плечи положит,
Не зная мертвого, придет
И позабыть его поможет.

Москва. Сентябрь.

СЕВЕР

* * *

В домотканном, деревянном городке,
Где гармоникой по улицам мостки,
Где мы с летчиком, сойдясь накоротке,
Пили спирт от непогоды и тоски.

Где, как черный хвост кошачий, не к добру,
Прямо в небо дым из печи над трубой,
Где всю ночь скрипучий флюгер на ветру
С петушиным криком крутит домовую.

Где с утра ветра, а к вечеру дожди,
Где и солнца-то не видно из-за туч,
Где, — куда ты ни поедешь, — так и жди —
На распутии встретишь камень бел-горюч.

В этом городе пять дней я тосковал,
Как с тобой хотел — не мог расстаться с ним,
В этом городе тебя я вспоминал
Очень редко добрым словом, чаще — злым.

Этот город весь, как твой большой портрет,
С суеверьем, с несчастливой ворожкой,
С переменчивой погодю, чуть свет,
По ночам, как ты, с короной золотой.

Как тебя, его не видеть бы совсем,
А увидев, прочь уехать бы скорей,
Он, как ты, вчера не дорог был ничем,
Как тебя — сегодня нет его милей.

Этот город мне помог тебя понять,
С переменчивою северной душой,
С редкой прихотью неласково сиять
Зимним солнцем над моею головой.

Заметают деревянные дома,
Спят солдаты, снег валит через порог...
Где ты плачешь, где поешь, моя Зима,
Кто опять тебе забыть меня помог?

Вологда. Сентябрь.

* * *

Мне хочется назвать тебя женой
За то, что так другие не назвали,
Что в старый дом мой, сломанный войной,
Ты снова гостьей явишься едва ли.

Мы называем женщину женой
За то, что так несчастливо случилось,
За то, что мы тому, что под рукой,
Простясь с мечтой, легко сдались на милость.

За нехотя прожитые года,
За общий дом, где вместе мы скучали,
Зовем женой за то, что никогда
Ее себе в любовницы б не взяли.

Мне хочется назвать тебя женой
За то, что милых так не называют,
За то, что все наоборот с тобой
У нас, моя беспутная, бывает.

За то, что каждый раз, как первый раз,
Твой шаг слышав, отворяю двери,
Что чистоте твоих лукавых глаз
Я и сейчас, как в первый день, не верю,

За то, что я желал тебе и зла,
За то, что редко ты меня жалела,
За то, что, просьб не ждя моих, пришла
Ко мне в ту ночь, когда сама хотела.

Мне хочется назвать тебя женой
Не потому, чтоб свет узнал об этом,
Не потому, что ты жила со мной
По всем московским сплетням и приметам.

Твоей я не тщеславолюсь красотой,
Ни громким именем, что ты носила,
С меня довольно нежной тайны той,
Что в дом ко мне неслышно приходила.

Сравнятся в славе смертью имена,
И красота, как станция, минует,
И, постарев, владелица, одна,
Себя к своим портретам приревнует.

Мне хочется назвать тебя женой
За то, что бесконечны дни разлуки,
Что слишком многим, кто сейчас со мной,
Должны глаза закрыть чужие руки.

За то, что ты правдивою была,
Любить мне не давала обещанья,
И в первый раз, что любишь, солгала
В последний час солдатского прощанья.

Кем стала ты? Моей или чужой?
Отсюда сердцем мне не дотянуться..
Прости, что я зову тебя женой
По праву тех, кто может не вернуться.

Рыбачий. Октябрь.

Я пил за тебя под Одессой, в землянке,
В Констанце, над черной румынской водой,
Под Вязьмой, на синем ночном полустанке,
В Мурманске, под белой полярной звездой.

Едва ль ты узнаешь, моя недотрога,
Живые и мертвые их имена,
Всех добрых ребят, с кем меня на дорогах
Короткою дружбой сводила война.

Подводник, с которым я плавал на лодке,
Разведчик, с которым я к финнам ходил,
Со мной вспоминали за рюмкою водки
О той, что товарищ их нежно любил.

Загадывать на год война нам мешала,
И даже за ту, что, как жизнь, мне мила,
Сегодня я пил, — чтоб сегодня скучала,
А завтра мы выпьем, — чтоб завтра ждала.

И кто-нибудь вспомнит чужую, другую,
Вздыхнув, мою рюмку посмотрит на свет
И снова нальет мне: — Тоскуешь? — Тоскую.
— Красивая, верно. Жаль — карточки нет.

Должно быть, сто раз я их видел, не меньше:
Мужская привычка — в тоскливые дни
Показывать смятые карточки женщин,
Как будто и правда нас помнят они.

Чтоб всех их любить, они стоят едва ли,
Но что ж с ними делать — раз трудно забыть.
Хорошие люди о них вспоминали,
И, значит, дай бог им до встречи дожить.

Стараясь разлуку прожить без оглядки,
Как часто, не веря далекой своей,
Другим говорил я: «Все будет в порядке,
Она тебя ждет. Не печалься о ней».

Нам легче поверить всегда за другого,
Как часто успех его сердца узнать,
Я верил: другого — пускай, но такого
Не смеет она ни забыть, ни продать.

Как знать, может, с этим же чувством знакомы
Все те, с кем мы рядом со смертью прошли,
Решив, что и ты не изменишь такому,
Без спросу на верность тебя обрекли.

Белое море. Ноябрь.

* * *

Я очень тоскую,
Я б выискать рад
Другую такую,
Чем ехать назад.

Но где же мне руки
Такие же взять,
Чтоб так же в разлуке
Без них тосковать.

Где с тою же злостью
Найти мне глаза,
Чтоб редкою гостьей
Была в них слеза.

Чтоб так же смеялся
И пел ее рот,
Чтоб век я боялся,
Что вновь не придет.

Где взять мне такую,
Чтоб все ей простить,
Чтоб жить с ней, рискуя
Недолго прожить.

Чтоб с каждым рассветом
Вставая без сна,
Таким же ответным
Бывать, как она.

С беспутной и милой,
С ней ночь коротать,
Чтоб завтра ни силой,
Ни лаской не взять.

Чтобы завтра с такою,
Себя прокляня,
Лишь слышать глухое:
«Не трогай меня».

Чтоб, встретясь с ней взглядом
В бессонной тиши,
Любить в ней две рядом
Живущих души.

Не знать, что стрясется
С утра до темна,
Какой обернется
Душою она.

Я, с нею измучась,
Не зная, как жить,
Хотел свою участь
С другой облегчить.

Но, чтобы другою
Ее заменить,
Вновь точно такую
Должна она быть;

И злой, и бесценной,
Проклятой — такой
Нет в целой вселенной
Второй под рукой.

Мурманск. Ноябрь,

Г. Зельма

Меня просил попутчик мой и друг,
А другу дважды не дают просить,
Не видя ваших милых глаз и рук,
О вас стихи я должен сочинить.

Свою любовь он срифмовать не мог,
Но я свидетель — он умел скучать,
А помнить вас в разлуке, видит бог,
Трудней, чем строчки с рифмами писать.

В зеленом, азиатском городке,
По слухам, вы сейчас влачите дни,
Там, милый след оставив на песке,
Проходят ваши легкие ступни.

За друга легче женщину просить,
Чем самому припасть к ее руке,
Вы моего попутчика забыть
Не смейте там, в зеленом городке.

Он говорил мне, что давно, когда
Еще он вами робко был любим,
Взошедшая Полярная звезда
Вам назначала час свиданья с ним.

Чтоб с ним свести вас, нет сейчас чудес,
На край земли нас бросила война,
Но все горит звезда среди небес,
Вам с двух сторон земли она видна.

Она сейчас горит еще ясней,
Попутчик мой для вас ее зажег,
Пусть ваши взгляды сходятся на ней,
На перекрестке двух земных дорог.

Я верю вам, вы смотрите сейчас,
Пока звезда горит, — он будет жить,
Пока с нее не сводите вы глаз,
Ее никто не смеет погасить.

Где юность наша? Где забытый дом?
Где вы, чужая, нежная? Когда,
Чтоб мертвых вспомнить, за одним столом
Живых сведет Полярная звезда?

Жаль, вашей тайны раньше я не знал,
И с милою простясь, как на беду,
На небесах найти ей не сказал,
Меня в бою хранящую звезду.

Кандалакша. Ноябрь.

* * *

Да, я люблю тебя еще сильнее,
За то, что редко счастья нам желали,
За то, что раз назвав тебя своей,
Тебе всю жизнь об этом вспоминали.

За письма, о которых я молчал,
Где про тебя заботливо писали.
Все, что, к несчастью, я, слепой, не знал,
Но, к счастью их, все остальные — знали.

Дай бог им счастья! А за слепоту
Спасибо той, что ослепить умела,
Спасибо за ночную красоту
Во власть слепому отданного тела

Ты говорила: «Бедный мой, слепой»,
И азбуке слепых уча сначала,
Веда меня в далекий путь ночной,
Поводырем бывать не уставала.

Ты отказать слепому не могла
В том, что не смели зрячие, другие,
Ты целым миром для меня была,
А мир — наощупь узнают слепые.

Мурманск. Ноябрь.

Я помню двух девочек, город ночной...
В ту зиму вы поздно спектакли кончали.
Две девочки ждали в подъезде со мной,
Чтоб вы, проходя, им два слова сказали.

Да, я увозил вас. И все-таки, в нем,
Пожалуй, щедрей, чем ко мне, вы бывали.
Двух слов они ждали. А я б и одним
Был счастлив, когда б мне его вы сказали.

Я помню двух девочек. Странно сейчас
Вдруг вспомнить две снежных фигурки у входа.
Подъезд театральный надолго погас.
Вам там не играть в зиму этого года.

Я очень далеко. Но, может, они
Вас в дальнем пути без меня провожают
И с кем-то другим в эти зимние дни
Втроем, как со мной, у подъезда скучают.

Я помню двух девочек. Может, живым
Я снова пройду вдоль заснеженных улиц
И, девочек встретив, поверю по ним,
Что в старый наш город вы тоже вернулись,

Боюсь, что мне незачем стапёт вас ждaть,
Но будет все снежная, та же погода,
И девочки будут стоять и стоять,
Как вечные спутницы ваши, у входа..
Белое море. Ноябрь.

* * *

Словно смотришь в бинокль перевернутый,
Все, что сзади осталось, — уменьшено.
На вокзале, метелью подернутом,
Где-то плачет далекая женщина.

Снежный ком, обращенный в горошину, —
Ее горе отсюда невидимо;
Как и всем нам, войною непрошено
Мне жестокое зрение быдано.

В нем туманится наше недавнее,
Как равнина пустая и снежная,
Там не видно тебя, моя славная,
Твоих плачущих глаз, моя нежная.

В твоей страсти и в горе уверенный,
Ослеплен преждевременной верою,
Я не знал, что все это отмерено
В испытаньях растаявшей мерою.

Были грустью и ревностью мелкою
Наши судьбы непрочно испытаны,
Суетливой секундною стрелкою
Были дружба и верность отсчитаны.

Что-то очень большое и страшное,
На штыках принесенное временем,
Не дает нам увидеть вчерашнего
Нашим гневным, сегодняшним зрением.

Мы, пройдя через кровь и страдания,
Снова к прошлому взглядом приблизимся.
Но на этом далеком свидании
До былой слепоты не унизимся.

Слишком многих друзей не докличется
Повидавшее смерть поколение,
И обратно не все увеличится
В нашем, горем испытанном зрении.

Белое море. Ноябрь.

* * *

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдятами,
Как встарь повелось на Великой Руси.

Слезами измеренный больше, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Дорожная пыль вдалеке завилась.

Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти поселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как насмерть одетый, старик.

Ну, что им сказать, чем утешить могли мы их
Но горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: «Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем».

«Мы вас подождем!» — говорили нам пажити,
«Мы вас подождем!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
По русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют,
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За русскую землю, где я родился.

За то, что сражаться на ней мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

* * *

Я, перебрав весь год, не вижу
Того счастливого числа,
Когда всего верней и ближе
Со мной ты связана была.

Я помню зал для репетиций,
И свет зажженный, как на грех,
И шопот твой, что не годится
Так делать на виду у всех,

Твой звездный плащ из старой драмы,
И хлыст наездницы в руках,
И твой побег со сцены прямо
Ко мне на легких каблуках.

Нет, не тогда... Так, может, летом,
Когда, на сутки отпуск взяв,
Я был у ног твоих с рассветом,
Машину за ночь доконав.

Какой была ты сонной-сонной,
Вскочив с кровати босиком,
К моей шинели пропыленной
Как прижималась ты лицом!

Как бились жилки голубые
На шее под моей рукой,
В то утро, может быть, впервые,
Ты показалась мне женой.

И все же не тогда, я знаю,
Ты самой близкой мне была,—
Теперь я вспомнил: ночь глухая,
Обледеневшая скала...

Майор, проверив по карманам,
В тыл приказал бумаг не брать,
Когда придется, безымянным
Разведчик должен умирать.

Мы к полночи дошли и ждали,
По грудь зарытые в снегу.
Огни далекие бежали
На том, на русском берегу...

Теперь я сознаюсь в обмане:
Готовясь умереть в бою,
Я все-таки с собой в кармане
Нес фотографию твою.

Она под северным сияньем
В ту ночь казалась голубой,
Казалось, что сейчас мы встанем
И об руку пойдем с тобой.

Казалось, в том же платье белом,
Как в летний день снята была,
Ты по камням оледенелым
Со мной невидимо прошла.

За смелость не прося прощенья,
Клянусь, что, если доживу,
Ту ночь я ночью обрученья
С тобою вместе назову.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ДО ИЮНЯ

Я много жил в гостиницах	3
Плюшевые волки	5
Тринадцать лет	6
Когда со мной страданьем	8
Если родилась красивой	10
Я верно был упрямей всех	13

ЗАПАД

Ты говорила мне «люблю»	15
Жди меня, и я вернусь	17

ЮГ

Если бог нас своим могуществом ;	19
Над черным носом нашей субмарины	21

На час запомнив имена	22
Мы не увидимся с тобой	24

СЕВЕР

В домотканном, деревянном городке	25
Мне хочется назвать тебя женой	27
Я пил за тебя под Одессой, в землянке	30
Я очень тоскую	32
Меня просил попутчик мой и друг	35
Да, я люблю тебя еще сильнее	37
Я помню двух девочек, город ночной	38
Словно смотришь в бинокль перевернутый	40
Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины	42
Я, перебрав весь год, не вижу	44

Цена 20 коп.

77